

ЕВГЕНИЙ ЧЕРНОСВИТОВ

СМЕРТЬ

ЭССЕ

Евгений Черносвитов

Смерть. Эссе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42647479

ISBN 9785449688033

Аннотация

Монтень считает, что философствовать – это значит учиться умирать. Цицерон, что философствовать – это приуготовлять себя к смерти. Книга «Смерть» – попытка найти третий путь: между Цицероном и Монтенем, в мыслях о собственной смерти. Размышления автора не «зряшеские» и не сторонние. Он трижды перенес клиническую смерть и знает, как умирают люди. Профессии врача и криминолога ставят его философствования на реальную почву. В его разножанровых трудах, уже полвека, мысли о смерти не случайные гости.

Содержание

Кое-что о себе, авторе	8
«Quaeris quo iaceas post orbitum loco? Qua non nato iacent.» ¹	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Смерть Эссе

Евгений Черносвитов

Редактор Екатерина Александровна Самойлова

Иллюстратор Оксана Альфредовна Ябокова

Дизайнер обложки Марина Альфредовна Черносвитова

© Евгений Черносвитов, 2019

© Оксана Альфредовна Ябокова, иллюстрации, 2019

© Марина Альфредовна Черносвитова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-8803-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается: Михаилу Петровичу Кирину – другу.

«Я в Смерть бывал мучительно влюблён...»

(Джон Китс. «Ода соловью»)

«Человек может достигнуть личностного бессмертия... Но никогда не будет это делать»

(Марина Черносвитова, историк, литератор, поэтесса)

«В тысячелетье так же сгинет слава.

*И тех, кто тело ветхое совлек,
И тех, кто смолк, сказав «ням-ням» и «вава»...»*
(Данте. Божественная комедия).

«Умрем! ах, как славно мы умрем!...».
(А.И.Одоевский)

*«Мы никогда не узнаем, что такое Небо у нас над
головой и
что такое Смерть, которая в нас»*
(Михаил Петрович Кирин, русский философ)

Преамбула: не смотрите в Сеть: там смерти нет, а вместо мыслей о ее небытие, пардон, «пламенный топор». Вот, скопировал, все остальное в таком же духе – уверен а priori!

*«Смерти не существует. Теория Роберта Ланца
По утверждению американского учёного, профессора
из Северной Каролины Роберта Ланца, смерти в том виде,
как мы её понимаем, не существует.*

После того, как умирает тело человека, сознание ещё какое-то время живёт. Оно сохраняется как электрические импульсы, проникающие по нейронам коры головного мозга.

Роберт Ланца – автор новой научной теории биоцентризма. Согласно этой теории, основой всего, в том числе и Вселенной, является жизнь и сознание.

Учёный уверен, что сознание человека формирует иллюзию, которую мы называем смертью. По мнению Ланца, люди ошибочно считают, что человек и его тело – это одно

и то же. Как следствие – предположение, что со смертью тела умирает и сознание, и сам человек.

В действительности, для сознания (или души) нет ограничений во времени и пространстве.

В соответствии с современной теорией биоцентризма, в основе всего – глобальные цели Вселенной, а не только живой природы. По мнению разработчика нового учения, именно человек, его сознание регулирует процессы во Вселенной.

Теория основана на законе сохранения энергии и гипотезе существования «многих миров». Так как энергия не исчезает и её невозможно создать или уничтожить, Ланца предположил, что существует вероятность того, что энергия может перемещаться из одного мира в другой.

Эта теория вполне соответствует важнейшим положениям квантовой физики, в соответствии с которыми определённая частица способна находиться в любом времени и любом месте. Некоторые события совершенно невозможно спрогнозировать. В то же время, существует огромный диапазон предполагаемых путей развития для этих событий, вероятность реализации которых различна.

Теория биоцентризма гласит, что в одно и то же время существуют множество Вселенных, или «многие миры». Также одновременно возможны несколько вариантов осуществления событий.

Каждое вероятное событие в нашем мире находится в соответствии с аналогичным событием в другом мире, другой

Вселенной.

Гипотеза множества Вселенных утверждает, что жизнь человека не заканчивается со смертью его тела, а длится вечно. Смерть человека в одном из миров знаменует собой его рождение в другом мире.

Существует несколько уровней жизни. Если в одной Вселенной умирает тело человека, его сознание перемещается в следующую Вселенную, затем – ещё в одну, и так бесконечно».

Кое-что о себе, авторе

«Нет, весь я не умру...»
(А. С. Пушкин)

Не уверен! Думаю, что и Пушкин утверждал это образно. Я родился 10 сентября в 10 часов утра. Потом, когда в 1991 году вышел первый тираж моей книги «Формула смерти» и я в миг стал почти всемирно знаменитым, главный астролог Германии, по телефону, приглашая меня в гости, а так как я отказался, начала собирать у меня информацию обо мне для астрологической энциклопедии, авторитетно заявила, что *«Две десятки в моем рождении – признак значимый...»*. Я заговорил сразу, как только открыл глаза, а глаза открыл сразу, как только появился на белый свет с двенадцатичасовой задержкой – рождался тяжело, был с избыточным весом и больших габаритов. Но – дорос только до 1 метра 72 см. Так вот, первым словом, сразу, еще не обтертый, я сказал четко *«Тамара!»* Все, кто были рядом, единогласно решили, что имя моей жены будет «Тамара». Но, сейчас мне скоро 74 года, а у меня никогда не было женщины, по имени «Тамара»... Во мне течет кровь князей Багратуни, возможно, «Тамара» это от туда.

О смерти я начал думать в четыре года. Тогда, кстати, я перенес первую клиническую смерть. Произошло это через

полчаса, после того, как на моих глазах достали моего друга, утонувшего в Амуре: мы бегали по бревнам, бревна разошлись, и мой друг (имя его я забыл), ушел под бревна. Достали его лишь через неделю. Конечно, во что он превратился в воде, ничуть не было похоже на моего друга. Со мной случился эмоциональный шок. В больницу меня не положили сразу, а посадили рядом со мной медицинскую сестру. Я галлюцинировал, мне казалось, что все вещи в комнате стали огромны и навалились на меня, особенно одеяло. Периодически все в комнате превращалось в черные и белые палочки. Все пространство. Это было очень неприятно! У меня была высокая температура. Детская городская больница Хабаровска находилась не близко, и я успел умереть. Медицинская сестра была с опытом и ловко ввела мне адреналин внутрисердечно. Я еще дважды умирал. Но только в этот раз я один-к-одному видел все, что видят некоторые умершие, если верить Моуди Реймонду, автору «Жизнь после жизни». В тоннели, по которому я в крошечной темноте летел с огромной скоростью, к свету, в конце тоннеля (он мерцал) меня сопровождал скарабей, навозный жук, великолепно изображенный в Луксоре. Этот маленький скарабей всегда со мной, и вообще в моем жилище много скарабеев из Египта.

Я пролежал в детской больнице неделю, потом мне поставили диагноз «Менинго-энцефалит», сказали родителям, что я умру. Родители выписали меня под расписку и увезли в тайгу, к голубым сопкам, что видны даже из центра Хабаровска, к народному лекарю, старичку, по фамилии Бочалгин. Вот же интересно – фамилию запомнил, а имя и отчество забыл! Также забыл, о чем доктор (старичок был во врачебном халате и колпаке) со мной беседовал. Где-то около часа. Несколько раз погладил меня по голове. Потом он что-то говорил моим родителям. Выписал мне рецепт бром с валерьянкой. Рецепт я сохранил, но забыл, в каком из сундуков с архивным материалом он хранится. Если к окончанию

книги вспомню – непременно опубликую. А, вообще-то я его уже публиковал. Не уверен, но, кажется, в одном из изданий «Формулы смерти» – посмотрю на досуге. Поправился я не быстро – а когда ехали по таежной дороге, голову мою на коленях держал пап, ибо я сам не мог ее удержать! Одно не смог доктор Бочалгин – избавить меня от страха смерти. Он появился сразу, как я увидел своего друга-утопленника. Я решил (мне было неполных 4 года), что смерть выглядит так, как выглядел мой друг, проплавав под бревнами в Амуре. Я лежал в больнице, но страшно боялся, что гроб с телом моего друга непременно занесут в мою палату попрощаться со мной! И никто успокоить и переубедить меня не мог! Пока друга не похоронили, я лежал с папой в боксе. Даже посещение Бочалгина от страха смерти меня не избавило. И, именно, смерти, в образе моего друга-утопленника!

...Я стал бояться темноты в спальней и спал только при зажжённом свете. Мы жили тогда в авиагородке в бараке, на берегу Амура. Отопление было печное. Внезапно умирает подруга моей мамы, тетя Тася от «разрыва сердца», по причине, что ей изменил муж – командир пассажирского самолета ИЛ-12. Вот тут-то я и прошел школу, которая должна была бы меня освободить от страха смерти. Но, чтобы быть точным, я боялся тогда не смерти, а покойников! Тетю Тасю я тоже очень боялся. И вот как меня отучали бояться мертвецов. Накануне похорон все собрались в нашей квартире – она была самая большая в бараке. Среди собравшихся были

три бабушки – моя, мама тети Таси и еще одна соседка. Ужи-
нали. Мужчины выпивали. Тут-то и говорит бабушка – со-
седка: «Если в тебе духа хватит, я тебя сейчас вмиг освобо-
жу от страха покойников!» Я решил, что духа у меня хватит
и согласился сделать то, что мне бабушка предложила. В это
время гроб с тетей Тасей стоял одинешенек в ее открытой
квартире, сплошь заваленной букетами сирени – белой и си-
реновой, махровой. Запах из полуоткрытой двери Басарги-
ных – так была фамилия умерших, казалось, плотно набил
весь коридор. Так вот. Я должен был один пойти в комнату,
где стоял гроб с покойной. НЕ включать свет. В полутьме
подойти к гробу – крышка стояла рядом. Посмотреть снача-
ла на лицо тети Таси. Оно было белое и красивое, черные
густые волосы аккуратно уложены. Голова лежала на белой
подушке. Вокруг лба тети Таси была лента с религиозным
содержанием – крестиками и, кажется, гробиками и латин-
скими словами.

Воздух в комнате был невероятно тяжелый от запаха си-
рени. Но, он, запах сирени, не закрепился во мне с мыслью
о смерти. Я должен был коснуться правой ладонью лба тети
Таси. Потом ее правой руки, взять ее ладонь в свою руку.
Потом, самое главное. Я должен был подойти к ногам тети
Таси, снять с них туфли, потом капроновые чулки, для этого
мне пришлось их отстегнуть от бывших трусов тети Таси. Ко-
гда я поднял подол ее белого платья, я увидел голый живот
тети Таси и вдоль его шел к шеи грубый шов... Вот то, что

я сделал самовольно — я объяснить тогда не мог. Я снял трусы с тети Таси и потрогал ее ягодицы. Они были мягкие. Тогда я еще не знал, что ягодицы у 25 летней женщины, не рожавшей, должны быть упругими даже на третьи сутки после смерти и аутопсии...

...После всего, я должен был пойти на кухню, открыть поддувало печки и заглянуть в него. Я сделал это (да, тетю Тасю, ее одежду, я конечно до этого привел в порядок). Ничего в поддувало не увидел, кроме остатков золы. Зола была еще теплой. Печку поздней весной топили, ибо готовили на ней пищу...

...Покойников я перестал бояться и даже думать о своем друге-утопленнике перестал. Но... произошла замена в моем сознании (или подсознании): образ смерти-покойника сменился образом смерти, вернее, ужасом-мыслью: *«Как это так? Непременно я умру и меня НЕ БУДЕТ!!! МЕНЯ НЕ БУДЕТ!!!»* Смена фобий смерти совпала с нашим переездом в Охотск, куда папу направили для строительства в тайге Булгино в болоте гражданский аэропорт, а под его прикрытием — военный. Страх небытия, исчезновение для себя, был намного сильнее, чем страх покойников. Он был не смотря на то, что рядом спал мой младший брат, Слава. Мы — погодки. Мне шел седьмой год, а Славе — шестой. И тогда, чтобы я не мучился бессонницей от страха, бабушка стала брать меня к себе в кровать. Прижавшись к ней, я засыпал и спокойно спал до утра, просыпаясь бодрым и веселым! Но длилось это

недолго: Слава все испортил! Как-то он спокойно, когда мы строили кораблик, спросил меня, а знаю ли я, что бабушка спит без трусов? Меня неприятно обожгла какая-то смутная для меня мысль, совсем не конкретная! Но я твердо понял, что больше с бабушкой спать не лягу! И после этого, сказав бабушке, что больше не боюсь спать (я родителям и никому не говорил, чего я боюсь, но мама с бабушкой видели, что со мной что-то не то).

*«В нашей несуществующей сонной душе
всё застывшее всхлипнет и с криком проснётся.
Вот окончится жизнь... и тогда уж начнётся».*

(Сергей Юрский. 1977)

Второй раз я умер почти через 40 лет. И опять все началось с сильных эмоций – моя жена в прямом смысле слова выгнала меня из дома. Стоял ноябрь. Шел снег с дождем и уже стемнело. Я пошел на шоссе в спортивном костюме и кроссовках. В метро меня пропустили, и я поехал к друзьям через всю Москву. Мои друзья были врачи. Было сделано все, что друзья посчитали необходимым от возникновения воспаления легких. Ночью температура поднялась до сорока. Вызвали реанимобиль из ЦГ МВД СССР, но я категорически отказался ехать лечиться в свой госпиталь: друзья создали мне «стационар на дому». Неделю не меньше я практически не спал из-за постоянной высокой температуры, только впадал в забытие. Коллеги из госпиталя навеща-

ли меня каждые сутки, уговаривая госпитализироваться. Я не видел смысл, ибо у меня было все, рентгеноскопия легких не находила пневмонии. Я измучился, похудел, осунулся. Только когда организм перестал принимать даже сладкий чай, я согласился на госпитализацию в пульмонологическое отделение. Пневмонию так ин находили и решили, что у меня она «интерстициальная». Но, все равно, без рентгенологического подтверждения. Самое неприятно было то, что температура не снижалась ничуть! И меня не брали никакие снотворные. И вот однажды, перед сном разносила лекарство медицинская сестра, Света, молодая, очень полная и малоразговорчивая. Я считал ее черствой. Она зашла ко мне в бокс, чтобы дать мне мензурку с пирамидоном. Я выпил. Да, температура у меня продолжала держаться в районе 40 градусов. Светлана и говорит мне: *«Евгений Васильевич, что вам одна мензурка? Больно смотреть на вас, как вы мучаетесь! Выпейте еще одну мензурку!»* Я, недолго думая, взял из рук Светы вторую мензурку и выпил. Когда глаза открыл, надо мной стояла заведующая реанимации, великолепный доктор Наталия Дубровина, сестра погибшего в Кабуле моего друга Анатолия: моджахеды прямо у госпиталя хотели похитить его, вытащив из «Волги», но он дал бой и был изрешечён пулями из «Калашниковых»: *«С возвращением, Женечка! Как там на „том“ свете?»* Мне очень повезло: мой бокс был первым при входе в пульмонологическое отделение. А отделение было через лестничное пространство

от реанимации. Моя клиническая смерть, в состоянии которой я абсолютно ничего не видел и не чувствовал, длилась около 3 минут, не больше... Мне, конечно, накололи сердечных препаратов. И это была первая ночь, когда я спал ровно и спокойно с абсолютно нормальной температурой – 36,6! Утром мне отменили все антибиотики. А на другой день я пошел плавать в бассейн с холодной водой в физиотерапевтическое отделение. В сауну меня не тянуло. Через двое суток в спортзале восстановил полностью свою спортивную программу. Мне дали неделю на восстановление, и я вышел на работу, как ни в чем не бывало, только без жены и без квартиры...

...Третий раз я умер 4 сентября 2000 года. Мы уже с молодой женой жили в квартире на «Войковской», доставшейся Марине от ее бабушки. 4 сентября – день рождения моей мамочки, и мы поехали к родителям в Завидово. Папа уже умер перед самым распадом СССР. Мы готовы были с Мариной выйти из квартиры, как без звонка к нам явился наш друг Паша Спирин. Маринка быстро накрыла на стол. К бутылки французского вина, которую принес Паша, Марина сделала два бокала гоголя-моголя из яиц, которые нанесли наши завидовские куры – мама любила ухаживать за курами и держала их пока могла ходить. Паша отказался пить гоголь-моголь и выпил свой бокал вина, не закусывая. Я выпил бокал вина и два бокала гоголя-моголя...

Мама напекла дранников: поверх каждого дранника было

непропеченное яйцо. Короче, к гоголю-моголю, два бокала которого я выпил в Москве, присоединилось еще несколько полу жаренных яиц...

...Ночью мне стало плохо: открылась рвота и сильный понос. Начался, как потом прояснилось, сальмонеллёз. Самое неприятное в этом страдании то, что хочется пить, но после каждого глотка воды, открывается профузная рвота. Я спрятался от мамы на веранде, которая была рядом с туалетом. Я мучился трое суток, похудел на 40 килограммов, но, странно, слабости не чувствовал и сознания тяжелой болезни у меня не было. О сальмонеллёзе я не подумал. На четвертые сутки я все же решил «своим ходом» поехать в клинскую районную больницу, где у меня работали друзья. Вечерело. Я пошел к калитке. Не помню, чтобы меня шатало. Повторяю: цель была – на попутной машине поехать в Клинскую ЦРБ. У калитки столкнулся с соседкой, Галей Куприяновой. Она успела взглянуть на меня, и я упал ей на руки и потерял сознание. И, надо же, как раз мимо проезжала СП! У нас в поселке одна машина и ездит только на экстренные случаи и с фельдшером. Как меня довезли до Конаково – я не помню. На руках женщин внесли в приемное отделение. Был конец рабочего дня. И тут мне фантастически повезло – после работы по черной лекции возвращалась домой заведующая отделением! Я умер у нее на руках. Меня реанимировали не больше положенных четырех минут. Я ничего не помню. Очнулся в палате с четырьмя капельницами. Клиническая

смерть зафиксирована в моей истории болезни...

«Quaeris quo iaceas post orbitum loco? Qua non nato iacent.»¹

Вот так неожиданно делаешь открытие: Шекспир не читал «Опыты» Монтеня, иначе принц Гамлет не мучился бы вопросом «Быть или не быть?»

В двух книгах – «Формула смерти» (три издания) и «Озорные рассказы из мертвого века» (двухтомник), я честно и подробно описал все случаи, когда я был на волоске от смерти. Я – врач и на моих руках в полно сознании умирали много людей. Честное слово, ни один из них не боялся смерти. Известное – *«не смерть страшна, страшно умирать»*, имеет только один смысл – незнание, что такое смерть. Это касается в полной мере и людей верующих. «Чистилище», «ад», «рай», реинкарнация и подобное – все от не знания, что такое смерть. Увы, как показали попытки «аргонавтов смерти», ни на йоту не приблизили нас к знанию, что с нами будет после смерти? Точно также и незавершенные самоубийства... ***Страх смерти принципиально быть не может.*** «Пуганая ворона куста боится» – это не о страхе смерти. В страхе смерти есть многое – страх боли, мучений, потери самообладания, но самого страха смер-

¹ «Куда мы уйдем после смерти? Да, туда же, откуда пришли» (лат.) Мишель Монтень. Опыты. Кн.1

ти нет. Я осознал это глубоко, когда ночью был повержен на землю выстрелами из травматика с целью ограбления (в 2013 году, в Завидово, по пути в свой дом). Я, когда очнулся, наверняка, как потом воспроизводилась картина нападения на меня, не испытывал боли. Но, главное, я понимал, что меня добьют (это делалось, или мне казалось, что делалось) и не испытывал страха. Меня поражала до смеха мысль, что я, вот сейчас, умру здесь, в кустах, в трех шагах от дома, уткнувшись лицом в грязь! Поражала вся нелепость не только моего умирания, но и моей жизни! Мысли скакали, но не было ни одной, которая логически приводила бы меня к необходимости умереть вот здесь и сейчас! Проработав четыре года судебно-медицинским экспертом, а потом, будучи психиатром, я множество раз расспрашивал людей, всех возрастов, обоих полов и самых разных социальных положений, которые повторяли попытки самоубийства. И, если причина была не в психическом заболевании, то в страхе перед жизнью. А то – в презрении к ней, как у Байрона, воспевшего эвтаназию. Профессиональные киллеры, с которыми мне удалось откровенно поговорить (правда, не на свободе), думаю честно признавались, что никогда ни на миг, перед тем, как нажать спусковой крючок или накинуть стальную петлю на шею («модно» было так убивать в 90-ые) «клиенту», они не думали о смерти. У В. М. Шукшина есть хороший рассказ «Охота жить».

Здесь, думаю, нужно сказать о Высоцком:

*«Жалею вас, приверженцы фатальных дат и цифр, —
Томитесь, как наложницы в гареме!
Срок жизни увеличился — и, может быть, концы
Поэтов отодвинулись на время!»*

Вспомнить Есенина:

*«Видно, так заведено навеки —
К тридцати годам перебежась,
Все сильней, прожженные калеки,
С жизнью мы удерживаем связь»...*

33 для мужчины принять ипостась Христа или Иуды.
Это — библейское. Это — литература.

«В 45 баба ягодка опять!» — это ближе к истине...

Формула смерти

Здесь мы не будем повторять наши изыскания в попытках математизации старения, старости и смерти. Отсылаем к 3-ему изданию «Формулы смерти». Только подчеркнем, что функциональная асимметрия человека, улавливаемая уже по лицу, несколько не связана с работой полушарий головного мозга, а также с проблемой леворукости (левшества), как мы еще думали, выпуская в Свет первое издание (журнальное, «Человек и закон»). Что в наше время в «исследовании» смерти, несомненно: 1) Смерть связана со старением и ста-

ростью... как? Науке не известно. 2) Жизнь имеет возрастной предел. Можем оговориться – жизнь землянина имеет возрастной предел. В известной степени, а, скорее образно, возраст человека можно разделить на: а) биологический, 2) физиологический и 3) психологический. В некотором смысле можно и нужно иметь в виду, что каждый возраст имеет свои параметры, и, вероятно, как-то связан со смертью. Эта связь никому на самом деле не известна. Даже палачу, отсекающему голову (киллеру, пускающему пулю в лоб). История Самсонов знает свыше тысячи примеров, когда Самсон промахивался и жертва на несколько минут продолжала жить. Смерть отменялась. И даже то, что жертва убегала от казни.

Субстанция смерти (загробный мир)

Смерть не имеет субстанции, как не имеют субстанции душа и дух. Мы не знаем, что такое смерть и точно также не знаем, что такое душа и дух. Эти три «вещи» для познания беспредметны. И поэтому не могут познаваться. «Чужая душа» – потемки ровно настолько, насколько потемки собственная душа. С отходом от науки, ХХІ век успел породить столько абракадабр, которые заполонили наше сознание, что мне трудно представить, когда и как начнется в науке очищение в стремлении к должному – строгой науке! Вот, к примеру, появилась «наука» «клиническая психология». Ей соответствует «практика». Но, что такое «клиника»? Это симп-

томы и синдромы, то есть признаки и совокупность признаков некоего «предмета» медицины. Психика – не имеет предмета. Ergo – она не имеет ни симптомов, ни синдромов и не может изучаться наукой, подвергаться эксперименту. Точно также Дух и точно также Смерть. Нет субстанции, нет акциденции. Есть лишь фантазмы о небытии, сказки. Тут одна психолог написала мне письмо, в котором обосновывала необходимость изучения квантовой психологии. Да, ловко подсунил фантазером гениальный Эрвин Шредингер кошку, о которой нельзя сказать, жива она или мертва, ибо высказывание переводит состояние кошки в противоположное.

Стигмы – знаки болезни, старения, умирания и, прежде всего, жизни. Стигма или метка – понятие известно испокон веков и у всех народов. Пожалуйста: «Бог шельму метит!» Мы написали книгу. Читайте: Екатерина Самойлова, Евгений Черносвитов. «Пятая книга о пропорциях Человека». (Ридеро, 2018).

«Смерть, мрак. Нет, нет. Все лучше смерти!»
(Лев Толстой. «Смерть Ивана Ильича»)

Смерть – явление (как душа и дух) не субстанциональное. Проще говоря, вот умирает Иван Ильич у себя дома – в определенном месте и в определенное время, здесь и сейчас, но это только пока умирает. А, стоит ему умереть (даже пусть смерть будет клинической, принципиально обратимой), как он выпадает из своего пространства и времени

туда, откуда он в Белый Свет пришел. *«Каждый умирает в одиночку»*. Точно также, как каждый рождается в одиночку, даже если вслед за ним идет в Белый Свет его братец (братцы) или сестренка (сестры). Вот это – квинтэссенция смерти! Я эту уловку смерти понял, когда у меня на руках умирал и умер выдающийся московский психиатр, доцент кафедры психотерапии ЦОЛИУ врачей, Виктор Яковлевич Деглин. Он умирал в состоянии самом, пожалуй, приятном (если так можно сказать о состоянии умирания) – в онейроиде. Он был дезориентирован в пространстве и времени и не знал, что находится в реанимационной палате ЦГ МВД СССР. Но мне удалось войти с ним в контакт. В психозе больные бывают контактны, но никогда не бывают при этом доступны. Так, он рассказывал мне, своему ученику, которого узнал, как он с маленьким принцем в Космосе летает с планеты на планету и какие великолепные краски открыты его взору! Я сделал несколько попыток вернуть Виктора Яковлевича на место, в реанимационную палату ЦГ МВД СССР, но безуспешно. Кстати, он не чувствовал боли, не осознавал, что в результате кровоизлияния в мозг его правая половина тела парализована. Ему было хорошо – «космические» красоты открывал ему его другой друг – маленький Принц. Виктор Яковлевич испытывал чувства свободного полета и невесомости. Маленький Принц рассказывал ему смешные истории и Виктор Яковлевич громко (sic!) смеялся. Так он и умер, не зная, что умирает, с широкой и доброй улыбкой

на лице. Отсылаю читателя к своей книге «Кремлевская элита глазами психиатра», которую почти полностью опубликовал в журнале «Современное право». Там же можно прочитать не менее поучительную историю, для так называемых, «клинических психологов» «Как умирал Анисим Щелоков» (отец министра МВД СССР Николая Анисимовича Щелокова). Анисим умер на моих руках, одновременно разговаривая языком умирающего и сознающего свое умирания мужественного старика и... лепетания младенца, ибо его держали руки его матери... А, в последнем издании «Формула смерти» советую прочитать о смерти моих друзей, талантливых – русского писателя Петра Паламарчука и самого молодого генерала МВД СССР и всемирно известного композитора Алексея Гургеновича Экимяна – «Алексей Экимян или каждый живет и умирает в своем внутреннем мире» (стр.458—466). Если среди моих читателей еще есть, кто до конца не освободился от многочисленных «Life after life» и «Life after death», советую прочитать великолепную книгу, написанную на основании собственных наблюдений, выдающимся польским писателем Анджеем Кусьневичем «Состояние невесомости».

Здесь повторюсь: мысль проста: умирание происходит в реальном мире, в конкретном пространстве и времени. Смерть наступает (биологическая) там, где все мы находимся до своего рождения, о чем и написал Данте, назвав, правда, это никому неведомую «реальность» смерти «тысячеле-

тием».

Умирание может сопровождаться яркими галлюцинациями. Я ничуть не удивляюсь, что, как в разных частях планеты люди начали читать и горячего обсуждать книги Раймонда Моуди, у которого тут же появились «соавторы», ибо книга произвела типичную психическую эпидемию, они, поклонники, умирая, уже умирали так, как обещал великий Моуди. Меньшую, но не малую волну душевного покоя людей, причисляющих себя к интеллигентам, произвела книга «Центр циклона». (Автор: Лилли Джон, Раздел: Путь к себе). В СССР эта книга не продавалась, хотя и не была запрещена. По рукам ходили экземпляры самиздата.

«Пространство» человека к своей смерти – плотно заполнено порой вещами, которые поражают воображение и вызывают вопрос: «*А есть ли предчувствие своей смерти?*» Сначала расскажу (я в разных местах это давно рассказываю), что касается смерти Василия Макаровича Шукшина (подробно описано моей женой Мариной Черносвитовой и дочерью Екатериной Самойловой в книге «К истокам русской духовности»). Я никогда не узнаю, почему Василий Макарович прилетел в Москву за два дня до своей смерти, зная, что в Москве нет никого из его родных, а у него – никаких дел. Он позвонил мне на работу – я учился в клинической ординатуре ЦОЛИУ врачей, на кафедре профессора Владимира Евгеньевича Рожнова и сказал, что хочет со мной встретиться. Я попытался перенести встречу на вечер, но он улетал

на съемки «Они сражались за Родину». Он зашел в мой кабинет с большим кожаным портфелем, наполненным разными бутылками и бутылочками с настоями алтайских трав и ягод. Все это он аккуратно поставил у стенки за моей спиной. Потом громко вскрикнул, и начал чесать затылок: «Женя, я же тебе не подарил ни одной своей книжки! У тебя нет ни одного моего автографа!» – «Успеешь, подаришь. Какие наши годы?» – «Да нет, давай сейчас! Может у вас в библиотеке мои книги есть?» – «Ты что, Вася, сдурел? Я буду воровать твои книги из больничной библиотеки?» – «А ты знаешь сколько будут стоять мои книги после моей смерти с автографами? Не меньше трех сотен капусты! Давай распишусь тебе где-нибудь. Ну, вот, в истории болезни...» (я сидел за раскрытой историей болезни своего больного). Я молча пристально посмотрел в глаза Василия Макаровича и не дал ему нигде расписаться... На другой день я был в медицинской библиотеке, что в начале Кутозовского проспекта и машинально листал книгу своего друга. Вдруг кто-то громко включил радио: объявили о скоропостижной смерти Василия Макаровича Шукшина... Было без двадцати 12 второго октября. (P.S. В 1989 году, в октябре месяце я был на Капри вместе с советскими писателями, политическими и религиозными деятелями по приглашению иезуитов – «черного папы». Тогда у итальянских коллег я поинтересовался сколько они заплатили бы за книгу Василия Макаровича Шукшина с автографом автора – «300 долларов США» – был ответ. Вечером

я пошел в номер гостиницы, в которой мы проживали (La Pineta) Василия Ивановича Белова и выпросил у него пару книг с автографами).

В одну из мучительных ночей, когда я страдал сальмонеллёзом, мне приснилось завидовское кладбище, несколько человек, в том числе и я, стояли у свежевырытой могилы в изгороди, где похоронены тогда были мой папа и моя бабушка. Я стоял у самого края могилы, и кто-то хотел толкнуть меня в нее. Не видел кто. Я резко его отшвырнул и проснулся. Сон был четкий.

Вспомнился еще один случай. Я 15 июля 1990 года прилетел в Барнаул на «Шукшинские чтения», утром. Мой друг, известный алтайский писатель Виктор Горн повел меня завтракать в огромный зал, который был уставлен столами с алтайскими напитками и закусками. Вот мы входим в широкие двери в зал, поперек зала перед нами длинный стол, заваленный яствами. И я вижу, что стол покрыт красным сукном с черной обшивкой. Ясно вижу! Я говорю Виктору: «Мы собираемся праздновать день рождения Шукшина. А стол убрали, как гроб!» Он посмотрел на меня удивленно, ничего не успел сказать, вбежала его жена и сказала, что у меня сегодня умер отец, позвонила Марина из Москвы... Стол, убранный сукном, как гроб – были мои вещие галлюцинации...

Отсутствие страха перед покойниками сделало меня судебно-медицинским экспертом – за три с лишним года я

вскрыл три тысячи трупов и освидетельствовал полторы тысячи избитых, изнасилованных и лиц, посягающих на самоубийство. Подробнее читай Первый том «Озорные рассказы из мертвого века» (Ридеро.2018). Исчезновение страха перед аннигиляцией моего «Я» в смерти, сделали меня сначала философом, а потом, вкупе, психиатром – Читай второй том «Озорные рассказы из мертвого века» (Ридеро. 2018).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.